

Плакали сосны...

— Пожар!

Жители новых домов посёлка Кубринска замечались по квартирам, высыпали на улицу. В глаза лез вонючий смолистый дым, но никто не мог обнаружить очага загорания.

— Да это же Ковшов сучки во дворе жжёт! — сообщил вдруг кто-то.

И в самом деле, между домами и сараями пылало два костра: председатель профсоюзного комитета Батьковско-Ольховского строительного управления Павел Яковлевич Ковшов жёг свежие сосновые сучья. Близ костров там и сям лежали длинные смолистые, только что сваленные сосны. Красивую рощицу, ещё вчера украшавшую двор новой средней школы, как ветром сдуло. Только пеньки остались и от сосен, что росли возле 12-квартирного дома.

Народ волновался. Как, по какому праву руководящий профсоюзный работник истребляет красу посёлка торфяников и строителей?

Да не его ли, Ковшова, обязанность заботиться о благоустройстве Кубринска?

Рабочие и служащие требовали ответа.

— Не ваше это дело! — отрубил председатель стройкома.

— Мы будем жаловаться.

— А надо мной здесь нет начальства, — отрезал Ковшов и направился с топором к очередной жертве, что росла у дома, где живёт слесарь Сергеев. Беспощадное орудие лесоруба уже взметнулось над комлем дерева, но вдруг...

— Не смей! — раздалось над самым ухом председателя.

Ковшов поднял голову. Перед ним стоял слесарь Сергеев, потрясая в воздухе кулаками. Профсоюзному деятелю пришлось ретироваться.

Действия Ковшова возмутили не только жителей Кубринска, но и общественность всего Нагорьевского района.

Стало известно о них и партийному бюро строительного управления, директору торфопредприятия тов. Королькову. От Ковшова потребовали объяснения.

— А я действую на законном основании, — заявил председатель стройкома. — Райисполком и лесохозяйственное хозяйство отпустили мне десять кубометров деловой древесины для строительства собственного дома, вот я и рублю.

— Но почему в посёлке, а не в делянке общего пользования?

— Так лесничий распорядился. Здесь поближе...

Обратились к лесничему Солнышкину.

— Где хотим, там и выделяем, где придётся, там и рубим, — отпарировал лесничий. — К тому же эти сосны с изреженной кроной и рано или поздно всё равно посохнут.

Лесничему не возразили. А Ковшов всё орудовал и орудовал топором и пилой, опустошая уже территорию, прилегающую к зданию детского сада. Всего им свалено и без оплаты увезено к своему дому около пятидесяти строевых сосен.

Коммунисты предложили пригласить Ковшова на партбюро, обсудить его поведение, но секретарь партбюро тов. Карпушин сообщил:

— Два дня назад я просил Павла Яковлевича зайти ко мне на беседу, но он оказался нездоровым.

А в это время у места рубки попыхивал дымком дизель и пышущий здоровьем председатель стройкома прицеплял на крюк трактора деревья. — Ведь всё сухостой, сухостой, — бормотал Павел Яковлевич, суетясь между валежником. Однако на земле лежали ядрёные десятиметровые

хлысты. А две-три подсыхающие сосны стояли здесь же, маяча в небо. Их Ковшов не спилил. Зачем ему сухостойник для строительства!

В субботу 28 февраля трелёвка сосен продолжалась до позднего вечера. Каждый рейс ковшовского трактора сопровождался негодующими возгласами:

- Строимся в лесу, а с такими руководителями окажемся в пустыне.
- Плакали наши сосенки.

Но «индивидуальный застройщик» не обращал внимания на эти реплики. Он бодро смотрел туда, где на пригорке выросал его особняк. Лес теперь требовался для возведения надворных построек и надёжного забора.